

УДК 94 (47).043

Аристов Р.В.¹

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ ИВАНА ГРОЗНОГО НА ПУТИ ОТ СОСЛОВНО-
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКОЙ МОНАРХИИ К АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ**

Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Aristov R.V.

**THE POLITICAL COUP OF IVAN THE TERRIBLE ON THE WAY FROM A CLASS-
REPRESENTATIVE MONARCHY TO AN ABSOLUTE MONARCHY**

Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of
Russia

Аннотация: Статья рассматривает деятельность Ивана IV, направленную на утверждения личной царской воли над системой боярского общинного правления. Реализация этой попытки осуществлялась с помощью манкирования моральными ожиданиями народа в образе князя-правителя. В результате была явлена первая попытка реализации абсолютного самодержавия, зиждущаяся на страхе угрозах, политических интригах и произволе. Иван Грозный представлен как политический феномен, с небывалыми психическими фобиями, являвшимися основными двигателями процессов изменения в государстве.

Ключевые слова: Иван IV Грозный, боярская общность, опричнина, сословно-представительская монархия, абсолютная монархия, идеология, легитимность, князь, царь, мораль, нравственность.

Abstract. The article examines the activities of Ivan IV, aimed at asserting the personal royal will over the system of boyar communal government. The realization of this attempt was carried out with the help of manking the moral expectations of the people in the image of the prince-ruler. As a result, the first attempt to implement absolute autocracy was revealed, based on fear, threats, political intrigues and arbitrariness. Ivan the Terrible is presented as a political phenomenon with unprecedented mental phobias, which were the main engines of the processes of change in the state.

Keywords. Ivan IV the Terrible, boyar community, oprichnina, estate-representative monarchy, absolute monarchy, ideology, legitimacy, prince, tsar, morality, morality.

¹ Аристов Роман Викторович, канд. филос. наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского Университета МВД России

Покушения Ивана IV на традиционный уклад управления, социальной иерархии в правлении страной, великие начинания и прогрессивные реформы были частичными. Его личность одиозна и затронула все возможные стороны общественного бытия. Во многом его начинания будут продолжены историческими последователями. Они и сегодня вызывают подлинный интерес потомков. В связи с этим постараемся рассмотреть интенсивные изменения в типе правления и образе государственного правителя, возникшие в период его царствования.

Царь Иван IV Грозный становится первой, общественно признаваемой фигурой, воплотившей в себя образ русского самодержца. В ореоле народной молвы, являющейся идеологическим представлением, он стал краеугольным для правителя России.

Правление Ивана Грозного с одной стороны период необычайного роста территорий и прогрессивных реформ страны. С другой, результат правления Ивана IV оставил наследнику разграбленную и истерзанную опричниками, уставшую от войн землю. Внутренние преобразования привели лишь к закреощению и угнетению большей части населения. Конец XVI века для Османской империи, Англии, Франции и Испании был периодом расцвета новой философии, цивилизованного права и началом буржуазной эпохи. Россия первого периода правления вполне бы вписывалась в эту тенденцию, но подкошенная изнутри, перешла в период стагнации.

С действиями Ивана IV связан искаженный путь цивилизации. По мнению А. Янова, в России ее первый монарх патерналистически провозглашает исключительность и мессианское величие страны в масштабах государственной идеологии. Фигура этого русского царя, фактически и идеологически деструктивна, а последствия принятия образа мыслей и политических поступков навсегда удаляют Россию от «европейского» пути. [14, с. 30-32].

Однако, чета историков Пенских, в своей научной работе *Московская «недотирания»* [12, с. 18-32] не соглашаются с тем, что Россия раннего Нового времени - деспотическое азиатское государство. Данный стереотип основан на некритическом восприятии историками свидетельств западноевропейских путешественников, дипломатов и авантюристов. Авторы показывают, что политическое и правовое развитие России раннего Нового времени в основе своей не отличается от раннемодерных западноевропейских государств. Авторы, по сути, актуализируют высказывания В.О. Ключевского о фактическом противостоянии статусов правителей князя и бояр.

Изучение работы государственного аппарата, судебной системы, а так же местного управления, показывает реальные ограниченные пределы царской власти. Пожелания князя решать судьбы нации выглядит в лучшем случае как цели обозримых обязанностей монарха.

В реальности работала народная мудрость «До Бога высоко, а до царя далеко». Князь не обладал ресурсами, обеспечения его воли, кроме как арбитража среди околоставных боярских кланов, и права вести войска и дружины на брань. М.М. Кром, [8, с. 288-295] исследуя особенности функционирования московской «бюрократии» в эпоху до правления Ивана Грозного, делает вывод, что административно-хозяйственная сфера обладала значительной долей автономии как по отношению к носителю верховной власти, так и придворной элите. Отсутствие коммуникаций, постановки целей и задач, планирования развития было явлением нормальным, устоявшимся еще со времен военной демократии. Задача князя была простой: собрать оброк и на это пожилое организовать оборону, либо поход. Причем сбор в силу слабых транспортных и информационных коммуникаций осуществлялся через представителей администрации, живших этой функцией.

Одна из политических традиций древнерусского государства - это боярская олигархическая республика, представленная наиболее весомо Новгородскими и Псковскими землями. Этот общественно-политический уклад был устойчивым, позволявшим эффективно развиваться городам-государствам. Князья выполняли в них преимущественно военные функции и функции третейского суда в конфликтах между интересами боярства.

Эпоха, начала нового времени не могла мириться с подобным положением дел. Так же политически и юридически необходимо было закрепить властвование, через тот или иной очевидный легитимный механизм. Идеологическое обоснование и доказывание права на правотворчество в силу божией воли, уклада, преемственности власти было либо слишком затратным во времени, либо сталкивалось с философией реформации, либо, как в Московском государстве, с невозможностью определить, какой род или какой тип государственного устройства русских земель имеет примат легитимности. Монархия нуждалась в легитимном быстром способе поддержке и содействии различных групп населения. Именно поэтому для всего европейского исторического периода характерны элементы развития сословно-представительской монархии.

Россия раннего Нового времени – бедная аграрная страна с редким, рассеянным по огромной территории населением, примитивной малоэффективной экономикой, неразвитой инфраструктурой, традиционной культурой с отсутствующей в ней развитой письменной традицией. Недостаточная институционализация письменной традиции в праве, говорит о самодостаточности традиции. [13, с. 476-480]. Правовая традиция, таким образом, консервативна и восходит почти без изменений к праву князя выступать судьей. Наряду с этим правом равноценны вечевые общинные представления.

Князь не имел серьезного аппарата властного принуждения. Войско было слепком

социального мира Руси. Знатность боярина зависела от его статуса в воинском порядке, от количества служилых людей поставляемых на службу. [3,с.36-38] Собственно лично подчиненных людей князю (княжеский полк или стяг) было кратно меньше всего общего состава русского войска. На князя и его людей невозможно было возложить исключительно полицейскую функцию или уподобить некому войску наемников.

Ю.Г. Алексеев, [2, 430-432] указывает, что в основе московского государства лежал земско-служилый принцип, где служилые отношения и общинные институты, пронизывали весь строй жизни страны. Служба Отечеству – это ратная служба. Слово «ратник» - семантически восходит к слову «аратай» сеятель, что указывает на всенародность формирования механизма самообороны. Стягом – стержнем данного пестрого объединения могла быть лишь сила признаваемая всеми. Подобной силой становился князь, профессиональный военный, человек справедливый и руководствовавшийся в своих решениях правовым обычаем. Паттерны княжеской власти окормляли подданных, являясь гарантом сильного войска и справедливости.

В силу патерналистского характера политического сознания, в России не было и не могло быть договорных отношений между отцом и сыном в православной семье. Отсутствие договорных отношений заменялось высшей степенью доверия между властью и народом – тем морально-политическим единством, которое обусловило сохранение Россией ее государственного единства, независимости и самого ее существования. Образец подобного патернализма сконцентрирован в понятии «грозный князь», - существующем в древнерусской литературе, и языковом обороте с классического средневековья. Так, это понятие в качестве эпитета, сопровождало всяческого достойного князя, в частности добавлялось к имени Ивана III.

После завоевания Казани прозвище «Грозный», применилось к Ивану IV. Удивительным образом оно дало возможность перенести патерналистские свойства справедливого князя-защитника на личность конкретного царя. Этот государь, в силу индивидуальных психологических свойств личности, своевременно озаботился возможностью создания необходимого аппарата насилия и принуждения, верного его воле. Иван Грозный меньше всего хотел уговаривать боярство. Он стремился повелевать ими равно так же как и другими людьми, находясь в ответе только перед Богом.

Глубоко исследовал личность царя В.О. Ключевский, заложив классическое прочтение исторической персоны Ивана IV для историков. Правитель представлен тираном, с объяснением причин его тирании. Историк усматривает связь с негативной социализацией, и психологическими травмами пережитыми Иваном в детстве.

«Робость, подозрительность, недоверие к людям, двуличием, злопамятностью, нервная пугливость со склонностью преувеличивать опасность, привычка к уединенному тревожному размышлению. Болезненная впечатлительность и возбудимость. Ему недоставало внутреннего, природного благородства» - так описывает Ивана Грозного историк. [6, с. 55-81] Анализируя сочинения царя, В.О. Ключевский выделяет и черты высокого интеллекта, смешанные с эмоциональностью: «поражает жаром речи, гибкостью ума, изворотливостью диалектики, блеском мысли. Но это фосфорический блеск, лишенный теплоты, это не вдохновение, а горячка головы, нервическая прыть, следствие искусственного возбуждения». [6, с. 57]

На примере Ивана Грозного отчетливо видно значение личности для социума и истории. Возможно, личности душевно больного человека, обладавшего ролью главного паттерна страны. Именно поэтому для нашего исследования важна характеристика этого человека, обладавшего необычайной силой энергии, совершившего попытку политического переворота в сторону абсолютизма; и переворота нравственного, изменившего представление о должностованиях государя. В.О. Ключевский, изучив источники, дает следующие характеристики: «В минуты умственного изнеможения и нравственной опущенности он способен был на затеи, лишённые всякой сообразительности»; «Царь совершил или задумывал много хорошего, умного, даже великого, и рядом с этим наделал еще больше поступков, которые сделали его предметом ужаса и отвращения для современников и последующих поколений»; «Это был самый начитанный москвич XVI века». [6, с. 58-60]

Россия раннего нового времени была государством схоластически-православным, и учитывала определенную риторику. Идея порядка тождественна идеи божьего замысла, и рука об руку с ними идет постулат божественной легитимности властвования и ответного повиновения (первое письмо Курбскому). По мнению В.О. Ключевского чтение библейских преданий с историей провиденциализма и ярких царей древности стали той психологической почвой для формирования образа помазанника божия. Он стал «сам для себя стал святыней». [6, с. 62] Смысловая нагрузка понятий «Иван свирепый» и «Иван грозный» смешались до неузнаваемости в этом образе, изменив содержание устоявшегося ранее понятия «князь грозный».

«Самодержавства нашего начало – от святого Владимира ... русские самодержцы изначала владеют своими царствами, а не бояре и вельможи» [6, с. 67] - так трактуется источник легитимности новым царем, приобретая силу аксиомы. Логическая посылка изначально имеет ложное содержание о времени происхождения самодержавия.

Грозность понимается самим царем так: «Царь – гроза не для добрых, а для злых дел;

хочешь не бояться власти – делай добро, а делаешь зло – бойся, ибо царь не зря носит меч, а для кары злых и ободрения добрых». [6, с. 68] Царь – это заступник, снимающий тяготы забот о защите и войне с земледельцев и созидателей. Это самоопределение властителя в идеальной своей форме не противоречит народному восприятию образа «грозного князя» ранней эпохи. Однако фактическая реализация подобного суверенитета личностью Ивана IV, последствия, военные катастрофы и потрясения престола привели к консолидации восприятия раннего образа «грозного князя» и царя Ивана Грозного. Исторический контекст событий воспроизводится в общественной памяти как представление интерферентного свойства [9, с. 188-189].²

В.О. Ключевский указывает, что причиной появления нового правящего сословия – дворянства, стала не столько необходимость изменения стиля управления, сколько ограничения боярской воли в выборе наследника престола. Он назвал эту причину «династическим источником». И если внимательно посмотреть на более раннюю историю удельных русских княжеств и земель, то князь был лицом, зачастую приглашенным для «грозности» земли, и укрепления власти боярства. Отсутствие четкого закона о престолонаследии усиливало позиции коллегиального боярства. Княжество не являлось вотчиной правителя (князя) это был своего рода союз крупных вотчинников бояр, прибегавших к представительству князя в этих землях. Абсолютного и непререкаемого суверенитета личной воли правителя не существовало, он был ограничен боярской олигархией.

Подобный тип осознания устройства государства элитами был настолько устойчивым и привычным, что сам Иван IV в детстве переживал собственную никчемность и презрение со стороны лиц окружавших престол. Молодой царь, получивший ряд психических травм, и возненавидев боярство, тем не менее, не мог отказаться от традиционного «покона» – совместного с ними управления страной. Избранная рада это все та же элита, но состоявшая из лиц которым государь доверял. В этот период своего княжения у царя нет необходимости доказывать и оправдывать абсолютную власть правителя. В этот период все идет своим традиционным чередом. Прогрессивные реформы и модернизация, тем не менее, тормозились системой кормлений и местничества, в вершине которой стояла система властной иерархии – боярская общность.

Рушить эту систему означало возлагать на себя личную ответственность и повышать

² Интерференция – свойство наложения информации в памяти, механизм, связанный с изменением изначальной информацией у человека может быть применен к становлению исторической памяти

суверенитет правителя. В системе боярской общинности такой вызов был бы не поддержан. Своего рода круговая порука местничества не могла бы возвысить одного боярина над другими без серьезных внутривластных конфликтов. Бросить прямой вызов всему боярству было равносильно подписанию смертного приговора. В исторической памяти сохранилась трагическая судьба Андрея Боголюбского. Возможными способами отстранения боярства от правления представлялись два иных пути. Возвышение доверенных бояр в новую лично преданную элиту и физическое последовательное уничтожение персоналий наиболее опасных для властителя.

Личность Ивана Грозного, уверовавшая в богоизбранность и личный крест ответственности, была обличена в религиозные мессианские идеи. Используя неординарные психические и интеллектуальные качества, молодой князь посмел начать ломать устои. Гипотетически, поведение Ивана Васильевича могло бы быть рассмотрено как болезненная форма помешательства - религиозное помешательство (*paranoia religiosa*), по исследованиям В.П. Сербского. [11, с. 14] В этом случае у обследуемых пациентов период обострения этой формы сопровождается «быстрым появлением идей величия, бреда святости, бреда близости к божеству, нередко вместе с этими идеями величия появляются и идеи преследования. [11, с. 15]

Титул «Грозного» стал своеобразным моральным «ярлыком на абсолютный суд», в котором лишь правитель имел право казнить или миловать. Воинственный христианский дискурс, представление о Боге и воинстве его как о вооруженной рати, транслировались не только на символы русского войска, но и укрепляли карающую десницу правителя. Возложенная необычайная ответственность (как психическая болезнь одержимость) сочетавшая гнев и кровожадность, с сомнением о соответствии пути христианскому учению, наступавшим раскаянием заводили психическое состояние царя в порочный круг.

Переломным моментом в осознании личности царя и его роли, стали события связанные со смертью супруги Анастасии (1560), отдалением Сильвестра и Адашева. Правитель эмоционально стремится разорвать порядок дел, бросая вызов не только персонам боярской олигархии у трона, но и всей системе. Негодование превращается поистине в макиавеллистский план. В 1564 г. царь самым театральным образом устраивает отъезд в Александровскую слободу.

Там им было написано две грамоты разным сословиям, которые публично вскрывали суть порочной системы боярской общинности, выставляя бояр причиной произошедших событий. Очевидные причины публично были явлены народу, предложены и виновники с одновременным христианским смирением царя, как бы вопрошающего волю народа. Царь

обыграл боярское вече, позволив самому широкому народному вече осуществить плебисцит вернув государя стране. Волнения народа, оставшегося без священного символа справедливости и защиты, заставили боярство «бить челом государю».

Так же по макиавеллистски государь выдвинул условия (о которых объявит позднее) возвращения. Тем самым Иван Грозный подтвердил легитимность своего царствования не только исходя из дискурса религиозного и морального, но и получил всенародное прошение, тождественное всенародному голосованию.

Как описывают свидетельства, внешность царя претерпела необычайные изменения, вплоть до выпадения волос и изменившегося взора. Подобные признаки могли бы быть поводом для диагностирования душевных болезней, однако, в те времена психология не была представлена среди наук. Но и современникам было ясно, что царь в этот период испытывал страдания.

В 1565 г. государь противопоставил старой традиции боярской общинности новый общественный договор с народом - о праве сыска своих изменников, наложения опалы по своей воле и отчуждению имущества виновных. При этом первые шаги новой реформы были деликатными, они прямо не посягали на вотчины именитых бояр. Создавалась особая правовая территория,³ выделенная царю, как бы отделенная от земель боярства. Обеспечивать новый порядок надлежало людям исключительным, подчинившемся только воле государя – опричникам. В политической и нравственной истории страны это первые яркие меры чрезвычайщины. Однако социально-политический механизм был взят на вооружение всеми режимами, с помощью страха удерживающими власть.

Экономически для содержания этого особого двора, по сути универсального приказа, было выделено 20 городов и иных земель. Прежним собственникам предоставили эквивалентные земли и возможность переселения. При этом опричнину нельзя было представить в виде отдельной географической области. Она напоминала форму аграрной чересполосицы, чередуясь с землями земщины.

На землях земщины уклад общинно боярских отношений сохранялся, но недолго. Оставаясь главным арбитром земского государства, Иван IV указал на изменников, которых боярская дума выдала царю на скорый суд. Примечательно, что в наследство своему сыну государь пророчил опричнину, а от имени земщины одно время царствовал «Великий князь всея Руси» Симеон Бекбулатович. Удельный (опричный) князь Иван сохранял за собой мо-

³ Опричнина – в более ранний период так понимался удел, отданный от земли территории для хозяйствования и пожизненное пользование членам семьи правителя.

ральный статус смотрителя и правоохранителя, транслируемый в традиционном понятии «грозного князя». Обязательства быть грозным князем, развязывали руки в отношении сотворения суда, розыска и дознания по поводу изменников. А с другой стороны несколько снижали моральный груз за кровопролития, которые бы чинились от имени государя вседержителя. Но, тем не менее, никто ни в стране, ни за ее пределами не мыслил иного реального правителя московского царства кроме Ивана IV.

Феномен беглеца трона следует за Иваном Грозным весь период его правления. Он то укрывается в Александровой слободе, то уклоняется от ремесла правителя, представляя себя монахом, то физически усаживает на трон разных людей то намерен бежать в Лондон или стремится избраться королем Речи Посполитой. Потом и вовсе запрещает опричнину, после их предательства - позорного бегства с полей сражений. И при этом суть опричнины сохраняется в понятии дворянства XVI в. Возможно попытки бегства это тоже признак психической болезни с манией преследования и смены мест в поиске безопасного убежища. Тем не менее, этот феномен дает возможность для различного рода политических маневров и интриг.

Апогеем борьбы против боярской общности стали походы против Твери, Торжка, Новгорода и Пскова. Некогда сильные боярские республики еще сохраняли элементы своей вольности, а в сознании Грозного царя вечевые свободы вели к изменам. События 1569-1570 гг. были прямым государевым террором в отношении боярства этих земель и всех их сюзеренов. Поминальные записи царя насчитывают 1490 человек замученных до Новгорода. В Новгородских репрессиях поминник содержит 1505 имен. Псков чудом избежал истребления, благодаря перевороту чувств царя в ходе религиозных экзистенциальных переживаний. Финальным аккордом большого террора Ивана Грозного стали московские казни 25 июля 1570 г., где даже публику, охочую до подобных зрелищ, приходилось собирать на Красную площадь под угрозой стрелецких бердышей.

Девлет-Гирей воспользовался последствиями страха и нравственного кризиса российского общества, вторгся на земли Московии весной 1571 г., и разорил столицу. Поражение было тотальным, царь готов был отдать все свои южные и восточные приобретения. Лишь полководческий гений и военная удача земского войска в 1572 г. избавили державу от окончательного позора.

Очевидным становился факт безуспешных усилий царя направленных на совершенствование государственного управления. Вместе с тем царю удалось установить и сделать легитимным в глазах общества новый стиль правления монарха. Опричнина была запрещена, но своеволие монарха, наущничество и доносы, угроза расправы остались атрибутами

правления этого царя. Политическая власть русской православной церкви так же была понижена. Царь истреблял монахов в ходе своих репрессий, назначал и смещал митрополитов, смеявших послушаться и не одобрить его воли. 1583 г. Фактически была осуществлена попытка секуляризации, ограничившаяся контрибуцией на Ливонскую войну. Стефан Баторий в письме, переданном через гонца Лопатинского, давал такую характеристику русскому царю: «Ты не государь своему народу, а палач; ты привык повелевать над подданными, как над скотами, а не как над людьми!» и далее сравнивает европейскую сословно представительскую монархию с новым образцом московской державности – «Ты думаешь: везде так управляют, как в Москве? Каждый король христианский, при помазании на царство, должен присягать в том, что будет управлять не без разума, как ты. Правосудные и богобоязненные государи привыкли сноситься во всем со своими подданными ... но ты этих вещей не понимаешь» [7, с. 406-407]

Политический переворот Ивана Грозного строился на использовании и трансформации качеств, связанных с моральными ожиданиями общества от качества грозности, присущего правителю. Путь от удельного князя, созависимого с волей боярской общины, до абсолютного монарха был проделан Иваном IV очень стремительный. Однако попытка была остановлена династическим кризисом и сращиванием старого боярского корня с молодым опричным дворянством. Таким образом, не произошло уничтожение боярства как класса, а произошло слияние с дворянством. Правление Бориса Годунова, показательное с точки зрения политического эффекта, а его свержение и возвращение к боярской общинности в «семибоярщине» указывает на силу традиционализма и на колоссальное тяготение в системе русской управления к коллегиальной консервативной общинности. Династия Романовых была для страны безальтернативным выбором политического пути. Это были с одной стороны представители нового служилого дворового боярства, с другой стороны, именитые сродники прежней династии. Сила православной церкви и модель земского плебисцита делали Михаила Романова самой желанной компромиссной фигурой, для отстоявшей свою независимость Российской державы.

Современный публицист Илья Носырев дает характеристику Ивану Грозному как противоречивой личности, претерпевшей «неожиданное превращение» от реформатора «добротного царя в кровопийцу» [10, с. 71], совершавшего доселе невиданные вещи. Автор называет его «горе-менеджером – персонажем, которого многие из вас встречали в компаниях». Наплевательское отношение к формальным институтам власти и своеволие подкрепленное угрозой расправы стали отличительной чертой русской политики. Этот стиль управления в отличие от многих добрых начинаний царя попал на благодатную почву и прижил-

ся.

И.В. Сталин, безусловно, отождествлял себя с этим царем, активно использовал его методы и критиковал за нерешительность: «Иван грозный казнил, а потом каялся ... бог ему в этом деле мешал. Нужно было быть еще решительнее». [5] Советское искусство и историография времен Сталина, соответственно обеляли его личность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев, Ю.Г. Государь всяя Руси. Новосибирск: Наука, 1991.
2. Алексеев, Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.;
3. Аристов Р.В. Военное дело России эпохи Ивана Грозного. Тула 2008.
4. Аристов Р.В. Причины, характер, сущность и последствия Ливонской Войны в историософии и историографии // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2021. № 2.
5. Запись беседы (Стенограмма) И.В. Сталина, А.А. Жданова и В.М. Молотова с С.М. Эйзенштейном и Н.К. Черкасовым 26.02.1947. // Марьямов Г. -М. «Киноцентр» 1992
6. Ключевский В.О. Исторические портреты. – М.: Эксмо, 2008.
7. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Кн.1 – Калуга: Золотая аллея, 1995.
8. Кром М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей: Человек в истории. Время и пространство праздника. 2005. М.: Наука, 2005.
9. Микляева А., Волхонская М., Панферов В, Румянцева П. Основные психические явления. Учебник и практикум для академического бакалавриата.188-189
10. Носырев И. Повелитель мук// STORY, 2017., №3 (100)., с. 68-77.
11. Пашеовский В.Э. Психические расстройства с религиозно-мистическими переживаниями: Краткое руководство для врачей. – СПб: Издательский дом СПбМАПО, 2006.
12. Пенской В. В., Пенская Т. М. Московская «недотирания» раннего Нового времени в современной историографии // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – Т. 4, № 2, 2018.
13. Франклин, С. Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2010.
14. Янов, А.Л. Россия: У истоков трагедии. 1462-1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традици, 2001.

REFERENCES (transliteration)

1. Alekseev, Iu.G. Gosudar' vseia Rusi. Novosibirsk: Nauka, 1991.
2. Alekseev, Iu.G. Sudebnik Ivana III. Traditsiia i reforma. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2001.;
3. Aristov R.V. Voennoe delo Rossii epokhi Ivana Groznogo. Tula 2008.
4. Aristov R.V. Prichiny, kharakter, sushchnost' i posledstviia Livonskoi Voiny v istoriosofii i istoriografii // Istorii. Istoriki. Istochniki: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2021. № 2.
5. Zapis' besedy (Stenogramma) I.V. Stalina, A.A. Zhdanova i V.M. Molotova s S.M. Eizenshteinom i N.K. Cherkasovym 26.02.1947. // Mar'iamov G. -M. "Kinotsentr" 1992
6. Kliuchevskii V.O. Istoricheskie portrety. – M.: Eksmo, 2008.
7. Kostomarov N.I. Russkaia istoriia v zhizneopisaniiakh ee glavneishikh deiatelei. Kn.1 – Kaluga: Zolotaia alleia, 1995.
8. Krom M.M. K ponimaniu moskovskoi "politiki" XVI v.: diskurs i praktika rossiiskoi pozdnesrednevekovoi monarkhii // Odissei: Chelovek v istorii. Vremia i prostranstvo prazdnika. 2005. M.: Nauka, 2005.
9. Mikliaeva A., Volkhonskaia M., Panferov V, Rumiantseva P. Osnovnye psikhicheskie iavleniia. Uchebnik i praktikum dlia akademicheskogo bakalavriata.188-189
10. Nosyrev I. Povelitel' muk// STORY, 2017., №3 (100)., s. 68-77.
11. Pashevskii V.E. Psikhicheskie rasstroistva s religiozno-misticheskimi perezhivaniiami: Kratkoe rukovodstvo dlia vrachei. – SPb: Izdatel'skii dom SPbMAPO, 2006.
12. Penskoii V. V., Penskaia T. M. Moskovskaia "nedotiraniia" rannego Novogo vremeni v sovremennoi istoriografii // Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye is-sledovaniia. – T. 4, № 2, 2018.
13. Franklin, S. Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura v Drevnei Rusi. SPb.: "Dmitrii Bulanin", 2010.
14. Ianov, A.L. Rossiia: U istokov tragedii. 1462-1584. Zametki o prirode i proiskhozhdenii russkoi gosudarstvennosti. M.: Progress-Traditsi, 2001.

Рецензент: Шалашников Г.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры социальных и политико-правовых дисциплин Тульского института Всероссийского государственного университета юстиции